

A woman in a brown coat, a young child in a grey hoodie, and an orange tabby cat are sitting on a windowsill, looking out at a cityscape. Several pigeons are visible: one is perched on the windowsill, another on a branch outside, and two are flying in the sky. The scene is lit with soft, natural light from the window.

Яр Кремень

Подоконник. Цикл «Вещи помнят»

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Яр Кремень
Подоконник. Цикл
«Вещи помнят»
Серия «ВЕЩИ ПОМНЯТ», книга 6

*<https://litres.ru/73849059>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Гранитный подоконник в поликлинике не говорит, не дышит, не плачет. Но он помнит всё. Тридцать четыре года он впитывает тепло живых рук, чужие слёзы, обрывки разговоров, детский смех и старческое одиночество. Через него проходят десятки судеб: мать с младенцем, старуха с чётками, влюблённая девушка, потерявший жену ветеран, маленький Коля, который верит, что камни хранят память. Подоконник становится безмолвным свидетелем эпохи — от открытия поликлиники в 1990-м до сноса здания в наши дни. Он видит, как приходят и уходят люди, как рушатся надежды и случаются мгновения чистого счастья. А когда его выбрасывают на свалку, память не умирает — она разлетается серой трухой над городом, оседая на новых подоконниках, в шерсти рыжей кошки и в сердце женщины, которая вдруг шепчет: «Мама?»

Это история о том, что вещи помнят нас дольше, чем мы их. О том, что даже камень может любить. И о том, что настоящая

жизнь — всегда здесь, на подоконнике, у окна, где падают листья
и воркуют голуби.

Содержание

1990. Осень. Открытие поликлиники	5
Зима 1992	12
Весна 1995	18
Зима 1996	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Подоконник. Цикл «Вещи помнят»

1990. Осень. Открытие поликлиники

Гранитную плиту привезли на грузовике с откидными бортами, и двое грузчиков в промасленных телогрейках долго матерились, снимая её с кузова.

— Осторожнее, ёбаный в рот! — крикнул один, когда плита качнулась и едва не придавила второго. — Она же полированная, мэр лично заказывал!

— Да мне насрать, чей там мэр, — ответил второй, перехватывая край рукавицей. — Ты её держи, а не ори. У меня спина не казённая.

Плита была тяжёлой, холодной и гладкой, с едва заметными разводами — будто застывшая вода в гранитном карьере. Когда её наконец затащили на второй этаж и положили на подоконник, рабочий, что помоложе, провёл по ней ладонью и присвистнул:

— Красивая, сука. Век простоит.

— Век не век, — буркнул старший, вытирая пот рукавом, — а на наш век хватит. Пошли, там ещё двери ставить.

Они ушли, оставив подоконник в пустом коридоре нового здания поликлиники. Пахло краской, известью, свежим линолеумом и ещё чем-то неуловимо чужим — запахом денег, вложенных в эту стройку, запахом времени, которое только начинало течь через эти стены.

Подоконник лежал неподвижно, вбирая в себя новые ощущения. Снизу, через бетонные перекрытия, доносились голоса рабочих, стук молотков, визг дрели. Сверху — шум ветра, гуляющего по ещё не остеклённой крыше. А снаружи, за огромным, пока ещё чистым окном, стояла осень.

Настоящая, 1990-го года, осень.

Он не мог видеть — у него не было глаз. Но он чувствовал. Чувствовал, как холодный воздух прижимается к стеклу, как капли дождя разбиваются о его поверхность и стекают вниз, оставляя мокрые дорожки. Чувствовал, как заходящее солнце прогревает гранит, и тепло медленно уходит в каменную толщу.

Он не думал — у него не было мыслей. Но было что-то другое, чему ещё не придумали названия. Было ожидание.

В первый день на него никто не сел.

Коридор был пуст. Рабочие заканчивали отделку, и только к вечеру мимо прошла уборщица с ведром и шваброй. Она остановилась у окна, вздохнула, опёрлась рукой о подоконник — и он впервые почувствовал тепло живого тела.

Рука была грубой, с натруженными костяшками, в цыпках от холодной воды. Она опиралась всего несколько секунд,

но подоконник запомнил это прикосновение — как что-то важное, ради чего его вообще поставили здесь.

— Господи, — сказала уборщица, глядя в окно на жёлтые листья, — хоть бы люди хорошие сюда ходили. Не злые.

Она ушла, и в коридоре снова стало тихо.

Ночью подоконник лежал в темноте и слушал, как остывает здание. Где-то в подвале гудели насосы, по трубам бежала горячая вода, щёлкали где-то реле, переключалось электричество. Мир жил своей жизнью, сложной и непонятной, а он просто лежал и ждал.

Утром пришла она.

Женщина была молодой, лет двадцати пяти, с младенцем на руках. Ребёнок завернут в байковое одеяло — синее, с выцветшими зайчиками. Женщина выглядела усталой: под глазами синяки, волосы собраны кое-как, на плече болтается потрёпанная сумка с бутылочками и пелёнками.

Она вошла в коридор, огляделась, увидела скамейки вдоль стен, но все они были заняты. Кто-то читал газету, кто-то дремал, кто-то перешёптывался с соседом. Женщина вздохнула, перехватила ребёнка поудобнее и направилась к окну.

— Можно? — спросила она у пустоты.

Никто не ответил.

Она села на подоконник. Осторожно, краешком, придерживая ребёнка одной рукой, другой опёрлась о гранит.

И подоконник вздрогнул.

Нет, физически он не мог двигаться. Но внутри, в самой глубине камня, что-то отозвалось на это прикосновение. Тепло женского тела потекло в гранит, заполняя микроскопические пустоты, согревая то, что никогда не грелось.

Она сидела и смотрела в окно. За стеклом падали листья. Жёлтые, красные, почти чёрные в сером свете утра. Они кружились в воздухе и мягко ложились на землю.

— Смотри, — сказала женщина ребёнку, переворачивая его к окну. — Листики падают. Осень.

Ребёнок не смотрел. Он спал, посапывая во сне, и только иногда вздрагивал, когда где-то в коридоре хлопала дверь.

Женщина покачивала его, напевая что-то без слов. Подоконник чувствовал вибрацию — слабую, ритмичную, успокаивающую. Ему казалось, что это поют не губы, а само тепло, идущее от неё.

В очереди было человек десять. Кто-то кашлял, кто-то вздыхал, кто-то перебирал бумажки. Медленно, очень медленно продвигалась очередь к кабинету с табличкой «Педиатр».

Женщина сидела на подоконнике уже полчаса. Она сменила позу, привалилась спиной к холодному стеклу, но подоконник не отпускал её тепло. Он впитывал его, как сухая земля впитывает первый дождь.

— Эй, молодая! — окликнула её старуха со скамейки. — Ты бы села сюда. А то простудишь дитё-то.

— Ничего, — ответила женщина. — Тут тепло.

Она соврала. Подоконник был холодным — гранит не успевал прогреваться от её тела. Но ей не хотелось сидеть рядом с чужими людьми, слушать их разговоры о болезнях и лекарствах. Здесь, у окна, было хоть немного своего пространства.

Ребёнок проснулся и заплакал. Тоненько, жалобно.

— Тихо, тихо, — зашептала женщина, достав из сумки бутылочку. — Сейчас, маленький, сейчас.

Она кормила его, сидя на подоконнике, и смотрела в окно. А подоконник смотрел вместе с ней. Смотрел, как листья устилают землю, как по тротуару идут люди — кто-то спешит, кто-то плетётся, кто-то останавливается и смотрит на небо.

— Первый раз я тут, — сказала женщина тихо, ни к кому не обращаясь. — Прямо страшно. Вдруг что не так.

Ребёнок чмокал, прижимаясь к бутылочке. Женщина гладила его по голове.

— Ничего, прорвёмся, — сказала она. — Правда?

Подоконник не ответил. Но он слушал.

Потом подошла её очередь. Она встала, перехватила ребёнка поудобнее, поправила сумку на плече и пошла к кабинету. Перед тем как открыть дверь, обернулась, посмотрела на подоконник.

— Спасибо, — сказала она.

И ушла.

Подоконник остался один. На граните ещё держалось теп-

ло от её тела — слабое, уходящее. Через минуту оно исчезло совсем.

Но он запомнил.

До вечера на подоконник садились ещё несколько раз. Сначала старик с палочкой — долго смотрел на улицу, кашлял, сплёвывал в носовой платок. Потом женщина с перевязанной рукой — посидела минут пять, тяжело вздыхая, и ушла, забыв на граните авоську с банкой варенья. Пришлось догонять.

А под конец дня, когда солнце уже село и в коридоре зажгли лампы, на подоконник забрался мальчишка лет десяти. Он прижимал к груди портфель, смотрел в окно и что-то шептал. Подоконник не разбирал слов, но чувствовал дрожь — мальчишка плакал. Тихо, чтобы никто не видел.

Он просидел минут десять, потом вытер глаза рукавом и ушёл.

Ночью подоконник лежал в темноте и вспоминал. Тепло матери, дрожь мальчишки, вздохи старика, тяжесть женской усталости. Всё это впиталось в гранит, смешалось с запахом извести и краски, с шумом ветра за окном, со скрипом половиц в пустом коридоре.

Он не знал, сколько продлится его жизнь. Может, год. Может, десять лет. Может, век.

Но теперь он знал, зачем он здесь.

Чтобы помнить.

А за окном падал первый снег — ранний, мокрый, тяжё-

лый. Он ложился на жёлтые листья, на асфальт, на крыши домов, начиная новый сезон, новую страницу в жизни города, новую главу в памяти гранитного подоконника.

Кто-то родится. Кто-то умрёт. Кто-то будет ждать. Кто-то дождётся.

А подоконник будет лежать и впитывать. Всё. Без остатка.

Потому что вещи помнят. Даже те, у кого нет ни глаз, ни ушей, ни голоса.

Они просто лежат. И ждут.

Ждут твоего тепла.

Зима 1992

Зима в девяносто втором выдалась лютая.

Подоконник чувствовал это каждым своим микроскопическим сантиметром — холод проникал сквозь стекло, сквозь гранит, сквозь всё. Батареи в поликлинике грели еле-еле, скорее для вида, чем для тепла. В коридоре второго этажа люди сидели в пальто, в куртках, кто-то в валенках, несмотря на то что на календаре давно уже был не военный сорок первый, а чёрт знает какой год.

Подоконник замёрз. Впервые за два года своей жизни он почувствовал, как холод сковывает его изнутри, как гранит становится хрупким, почти стеклянным. Люди садились на него — и сразу вскакивали, потому что сидеть на этом холоде было невозможно даже через толстую одежду.

— Господи, — сказала тётка в ватнике, присаживаясь на краешек и тут же поднимаясь, — да это же ледник, а не подоконник. Ноги отморозишь к такой-то матери.

Она ушла греться к батарее, но там уже сидели трое и стояла очередь.

Подоконник остался один. За окном падал снег. Не тот красивый, новогодний снег, каким его рисуют на открытках, а злой, колючий, перемешанный с какой-то дрянью, летящей из труб котельной. Он ложился на стекло грязными пятнами и таял, оставляя разводы.

В коридоре было человек двадцать. Кто-то сидел на скамейках, кто-то стоял, прислонившись к стене, кто-то ходил взад-вперёд, натаптывая дорожку на линолеуме. Воздух был спёртым, тяжёлым — пахло мокрой одеждой, дешёвыми сигаретами, которые курили в туалете, и ещё чем-то неуловимо больничным, лекарственным, тоскливым.

Подоконник ждал.

Утром, когда только начало светать, на него села старуха.

Она была маленькая, сухонькая, в тяжёлом зимнем пальто, подпоясанном каким-то тряпичным поясом. На ногах — валенки с калошами, на голове — пуховый платок, из-под которого виднелись седые волосы и усталые, выцветшие глаза.

Она подошла к окну, долго смотрела на улицу, потом вздохнула, достала из кармана сложенную в несколько раз газету, постелила на подоконник и только после этого села.

Подоконник почувствовал тепло — слабое, едва уловимое, сквозь газету, сквозь валенки, сквозь пальто. Старуха сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку за окном.

В руках у неё были чётки. Старые, деревянные, стёртые до блеска множеством прикосновений. Пальцы перебирали их автоматически, бездумно, как делают люди, которые уже давно не молятся словами, а просто повторяют движение, успокаивая себя.

В очереди к врачу было ещё человек пять. Кто-то кашлял,

кто-то вздыхал, кто-то переругивался.

— Опять эти, — сказал мужчина в телогрейке, кивая на старуху. — Сидят, места занимают. А нам, может, тоже сесть негде.

— Заткнись, — ответила ему женщина с авоськой, полной банок. — Не видишь, старая. Пусть сидит.

Мужчина сплюнул на пол и отошёл к батарее.

Старуха не обернулась. Она смотрела в окно.

За окном шёл снег. Медленно, лениво, как будто тоже не хотел падать на эту замёрзшую землю.

— Четвёртый час сижу, — сказала старуха тихо, почти шёпотом. — Всё никак не дождусь.

Подоконник слушал.

— Внучка у меня, — продолжала старуха, не оборачиваясь, глядя в снег. — Леночка. Кашляет сильно. Температура. А талонов нет. Говорят, приходите завтра. А завтра опять нет. А ей хуже.

Из её глаз не текли слёзы. Она просто сидела и смотрела в окно, и говорила. Говорила в пустоту, в этот холодный гранит, в это грязное стекло.

— Мать у неё одна, — продолжала старуха. — Моя дочь. Разведёнка. Работает на заводе, денег нет. А я я пенсия. Сто двадцать рублей. Лекарства нынче дорогие. Вчера анальгин купила — три рубля. Три рубля, господи.

Пальцы быстрее забегали по чёткам.

— Молятся? — раздался голос сбоку.

Рядом стояла другая старуха, в таком же пальто, с такой же усталостью в глазах.

— Ага, — ответила первая. — Уже четвёртый час.

— Помогает?

Первая старуха пожала плечами.

— Не знаю. Но легче.

Вторая старуха постояла, посмотрела на неё, потом на подоконник, вздохнула и пошла к скамейкам.

А первая осталась.

Она сидела ещё час. Потом дверь кабинета открылась, и медсестра крикнула:

— Иванова, заходите.

Старуха вздрогнула, поднялась, убрала газету в карман и, тяжело опираясь на палку, пошла к кабинету. У двери обернулась, посмотрела на подоконник.

— Спасибо, что послушал, — сказала она. — Ты только никому не рассказывай.

И ушла.

Подоконник остался один. На граните осталось слабое тепло от её тела — чуть теплее, чем холодный камень вокруг. И запах — запах старости, валерьянки и ещё чего-то неуловимого, горького.

Через полчаса на подоконник села другая старуха. Потом третья. Потом мужчина в валенках. Все они приносили с собой холод и усталость, все садились ненадолго, грелись — и уходили.

Подоконник впитывал. Каждую историю, каждое слово, каждую слезу, которую никто не видел.

К вечеру в коридоре стало тише. Очереди рассосались, остались только те, кто ждал приёма в стационаре. Подоконник лежал в темноте и вспоминал старуху с чётками. Её пальцы, перебирающие деревяшки. Её шёпот про Леночку. Её благодарность.

— Холодно сегодня, — сказал кто-то в коридоре.

— Холодно, — ответил другой голос.

Подоконник слушал этот диалог и думал — если бы он мог думать — о том, сколько ещё зим ему предстоит пережить. Сколько ещё старух сядет на него и будет говорить в пустоту. Сколько ещё людей принесут с собой своё тепло, свою боль, свою надежду.

За окном метель усиливалась. Снег бил в стекло, залеплял его, и в коридоре становилось ещё темнее, ещё холоднее.

Но подоконник держался. Он был гранитным. Он был создан, чтобы выдерживать холод. И чтобы хранить тепло.

Даже самое слабое.

Даже самое короткое.

Даже то, которое никто не замечает.

Ночью, когда поликлиника опустела, в коридоре зажгли только одну лампу — дежурную, тусклую, дававшую ровно столько света, чтобы санитарка могла помыть полы.

Санитарка была та же, что и два года назад, при открытии. Та же грубая рука опёрлась на подоконник, то же усталое

«Господи» выдохнула она, глядя в метель за окном.

— И чего ты стоишь, — сказала она подоконнику. — Холодный, как удав. Никто на тебя не сядет в такую холодину.

Она провела тряпкой по граниту, стёрла невидимую пыль и ушла.

А подоконник лежал и знал, что завтра снова кто-то сядет. Несмотря на холод. Несмотря на метель. Несмотря ни на что.

Потому что люди — они такие. Они ищут, где посидеть, где погреться, где сказать хоть кому-то то, что наболело.

Даже если этот кто-то — просто камень.

Подоконник медленно остывал после старухиногo тепла. Он знал, что утром сюда придут другие. И он будет ждать.

Весна 1995

Весна в девяносто пятом пришла внезапно.

Ещё вчера за окном лежал серый, прокуренный снег, перемешанный с угольной пылью от котельной, а сегодня — солнце. Настоящее, яркое, почти летнее. Оно било в окно поликлиники, нагревало гранитный подоконник, и тот впервые за долгие месяцы почувствовал, как тепло проникает глубоко внутрь, в самую сердцевину камня.

Подоконник оживал. Вместе с весной, вместе с этим солнцем, вместе с запахом талого снега, который просачивался сквозь приоткрытые форточки.

Утром на него села девушка.

Ей было лет семнадцать, не больше. В лёгком пальто, не по сезону, с ярко-красным шарфом, небрежно намотанным вокруг шеи. Волосы светлые, распущенные, с выгоревшими за зиму прядями. Глаза большие, серые, смотрели то в окно, то в пол, то куда-то в сторону — ни на чём не могли остановиться.

Она села на самый краешек, боком, поджав под себя ногу. Подоконник почувствовал её дрожь — не от холода, от волнения.

В руках у девушки был клочок бумаги, измятый, с какими-то записями. Она то сжимала его в кулаке, то разворачивала, перечитывала, снова сжимала.

— Идиотка, — шепнула она себе под нос. — Полная идиотка.

В очереди сидели старухи, пара мужиков с перекурами, мамаша с хнычущим ребёнком. Никто не обращал на девушку внимания. Все были заняты своим — кто газетой, кто разговором, кто просто бесконечным ожиданием.

Девушка смотрела в окно.

За стеклом голуби копошились в лужах, мылись, чистили перья. Солнце отражалось в воде, слепило. Где-то вдалеке орала ворона, ругалась с кем-то по-своему, по-вороньи.

— Не придёт, — сказала девушка. — Точно не придёт. Зачем я вообще сюда припёрлась?

Подоконник слушал. Он уже научился слушать за эти пять лет.

— Мы вчера поругались, — продолжала девушка, глядя на голубей. — Я сказала, что он козёл. Он сказал, что я дура. В общем, красиво разошлись. А сегодня сегодня должны были вместе в кино идти. А он не пришёл. И трубку не берёт.

Она замолчала, закусил губу.

Из кармана пальто торчал уголок билета. Красный, на вечерний сеанс.

— А я всё равно пришла, — сказала девушка тихо. — Сижу тут, как дура, у поликлиники. Не у кинотеатра, а у поликлиники. Почему? Потому что здесь окна большие. И видно, кто идёт.

Она усмехнулась — горько, зло, по-взрослому.

— Видно, кто идёт. А он не идёт.

В коридоре зашумели. Какая-то бабка упала в очереди, все забегали, заохали. Девушка не обернулась. Она смотрела в окно, на дорогу, на людей, идущих мимо.

Парень появился неожиданно.

Он шёл со стороны остановки, в расстёгнутой куртке, с растрёпанными волосами, с пакетом в руке. Шёл быстро, почти бежал, оглядывался по сторонам, искал кого-то.

Девушка вздрогнула. Весь подоконник вздрогнул вместе с ней.

— О господи, — выдохнула она. — Пришёл. Пришёл, козёл.

Парень остановился прямо напротив окна, задрал голову, увидел её. Улыбнулся — широко, глупо, счастливо.

Девушка хотела отвернуться, сделать вид, что не замечает, но не смогла. Уголки губ поползли вверх.

Парень помахал рукой, показал пакет — там что-то круглое угадывалось.

— Апельсины! — крикнул он, хотя стекло было толстое и вряд ли она могла слышать. — Я апельсины купил! Ты же любишь!

Девушка засмеялась. Коротко, всхлипывающе, счастливо.

— Идиот, — сказала она. — Идиот, идиот, идиот

Но подоконник чувствовал, как её тело расслабляется, как уходит дрожь, как тепло разливается по граниту.

Она вскочила, чуть не поскользнувшись, поправила

шарф, сунула измятый клочок бумаги в карман и побежала к выходу. На секунду замерла у двери, обернулась, посмотрела на подоконник.

— Спасибо, что послушал, — сказала она. — Ты только ты не думай, я вообще не плакса. Это так, погода дурацкая.

И выбежала.

Подоконник остался один. На граните ещё держалось её тепло, её волнение, её счастье. Он чувствовал это — как будто сама весна оставила на нём свой след.

В коридор влетел парень, запыхавшийся, счастливый. Девушка бросилась к нему, они обнялись прямо посреди очереди, и кто-то зашикал, кто-то заулыбался, кто-то отвернулся.

— Пошли, — сказала она. — Пошли отсюда.

— А кино? — спросил он.

— Да ну его, кино. Пошли гулять.

И они ушли — держась за руки, смеясь, не замечая никого вокруг. Подоконник смотрел им вслед через окно, чувствуя, как их общее счастье отдаётся лёгкой вибрацией в полу, но сам он оставался на месте — гранит не мог двинуться, чтобы догнать их.

Он просто хранил тепло их встречи, впитавшееся в его поверхность, и знал, что это мгновение останется с ним навсегда.

За окном солнце клонилось к закату, голуби разлетелись по крышам, и город готовился к вечеру. Подоконник лежал,

прогретый за день, и слушал, как в коридоре зажигают лампы, как садится на него уставшая женщина с бутербродом, как она вздыхает и смотрит в темнеющее небо.

Он принимал её тепло, её обыденность, её тихую усталость. И знал, что завтра сюда придут другие. Но ту девушку, её счастливый смех, её внезапную радость — он запомнит навсегда.

Потому что вещи помнят.

Даже такие маленькие, короткие, почти незаметные мгновения.

Особенно их.

Зима 1996

Зима девяносто шестого выдалась не просто холодной — она выдалась злой.

Подоконник чувствовал эту злость каждым своим сантиметром. Она шла не с улицы — с улицы шёл обычный мороз, сухой, колючий, проникающий сквозь щели в старых оконных рамах. Злость шла изнутри. Из коридора. От людей.

В тот день на подоконник села тётка с костылями.

Она была огромная, необъятная, в ватнике поверх цветастого халата, в валенках с калошами. Лицо — красное, обветренное, злое. Костыли громыхнули, ударившись о гранит, она рухнула на подоконник всей своей массой, и подоконник едва не охнул — если бы мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.